

Е.Г. Торсуков,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: temitina.45@yandex.ru

ИХ ОРУЖИЕМ БЫЛО СЛОВО

Статья посвящена работе военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны. Автор показывает специфику речи в военной среде, обусловленность речевого поведения военнослужащих характером боевых задач, которые они выполняют. В статье раскрываются виды деятельности военного переводчика в зависимости от особенностей военной организации частей и соединений, своеобразии условий, в которых действуют военнослужащие. Автор подчёркивает необходимость специальной языковой подготовки, отмечает роль Военного института иностранных языков (ВИИЯ) в подготовке военных переводчиков в годы войны. Без переводчиков не только владеющих языком противника, но и знакомых с его военной машиной, умеющих свободно ориентироваться в трофейной документации, добывать из эфира нужные сведения, воздействовать на войска и население врага нельзя было начинать боевые действия. От искусства этих офицеров в конечном итоге зависели успешная подготовка и проведение операций.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Военный институт иностранных языков, военный перевод, трофейные документы, военная терминология, допрос военнопленного, парламентёр, разведка, техника и вооружение, техническая документация, боевые документы.

*Известно всем — вначале было слово.
И Богом было сказано оно,
Святая Русь, как ни было б сурово,
Нам словом побеждать врага дано.*

(Е.Г. Торсуков)

В ходе Великой Отечественной войны победу ковали не только лётчики, моряки, танкисты, артиллеристы..., но и воины, чьим оружием было слово — это военные переводчики и специалисты по политической работе среди войск и населения противника.

Речевое поведение говорящих и использование языка в военной среде значительно отличается от повседневного обычного общения.

Язык приказов, уставов, инструкций и наставлений характеризуется однозначностью трактовок, ясностью в понимании и высокой степенью побудительности. С помощью этих осо-

бенностей языка военно-профессиональной среды достигается высокая степень регулирования поведения военнослужащих по выполнению боевых задач по защите Отечества. Язык военно-профессиональной среды закрепляется в индивидуальной речи военнослужащего. Речь военно-профессиональной среды, с одной стороны, наполнена общеупотребительной лексикой, а с другой — отличается специфической, только этой среде присущей лексикой. Причём общеупотребительные слова в военной среде приобретают специфически особенное значение. К примеру, слово «огонь» — в общеупотребительном смысле понимается как «пламя свечи или зажигалки», «пылающий костёр», «свет от осветительных приборов», в военной среде — это «ружейная или артиллерийская стрельба» или «команда на открытие стрельбы». Особенности понимания и толкование получают и другие ключевые слова. Военная речь актуализирует в конкретную речевую форму наряду с общими гуманитарными знаниями также знание основных положений теории и сведений о практике военного дела в отечественных Вооружённых Силах и армиях зарубежных государств; требования к организации боевой подготовки и боевой деятельности в армии и на флоте; специфику организации боевой подготовки в различных видах Вооружённых сил; правовые основы хозяйственной, финансовой, экономической деятельности воинских учреждений, частей и подразделений; основы устройства и функционирования боевой и другой техники, состоящей на вооружении в войсках; основы воспитательной работы с личным составом частей и подразделений. Уставы, приказы, инструкции, написанные общеупотребительными словами, воплощают в себе детальную регламентацию речевых действий вплоть до мельчайших подробностей. Эта регламентация выражается в установленных формах речевого обращения начальника к подчинённому («Товарищ рядовой», «Товарищ сержант»), речевых выражениях подчинённых в ответ на получение указаний («Есть», «Так точно» и т.д.). Упорядоченность, согласованность действий достигается через употребление однозначно понимаемых речевых выражений, что способствует достижению наибольшего успеха при наименьшей затрате сил [Торсуков, 2010].

Специфика речи в военной среде обусловлена характером задач, стоящих перед Вооружёнными силами, особенностями военной организации, своеобразием условий, в которых действуют военнослужащие. Повседневные результаты воинской деятельности не всегда приобретают материальные, общественно-полезные, реально осязаемые формы. Такая абстрактность требует особого речевого мастерства офицера, владеющего иностранным языком.

Очевидно, что нужна специальная работа в вузе по изучению речи, как русской, так и иностранной, и приёмов её перевода. Именно для подготовки специалистов, способных обучить военных переводчиков приказом Народного Комиссара Обороны СССР от 14 марта 1940 г. при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) был сформирован военный факультет как высшее военно-учебное заведение Красной Армии. Срок обучения был определён в 4 года. Занятия на Военфаке начались 8 февраля 1940 г. В октябре 1940 г. его начальником был назначен генерал-майор Биязи Николай Николаевич.

Военная действительность изобилует трагическими ситуациями. Кровь, страдания, потеря сотоварищей и влияние этих факторов на психическое состояние военнослужащих требуют от офицера в своей речи сочетать волевые элементы, способствующие продолжению боевых действий, несмотря на ужасы войны, с элементами утешения для снятия стрессов и ожесточения военнослужащих. Экстралингвистический уровень владения речью предполагает свободное владение основными понятиями военно-профессиональной среды с выходом за рамки привычных образцов, речевых стереотипов и штампов. Речевая компетентность для определённой категории военнослужащих представляет собой основную часть их деятельности. Речевое поведение военнослужащих имеет ряд особенностей: предполагает категорическую императивность, связанную с необходимостью выполнить приказ, предписание или указание беспрекословно, точно и в срок. Уставные требования, произнесённые командиром, приобретают обязательную силу в соответствии со строгой централизацией, единоначалием и дисциплиной. Специфика военно-профессиональной среды предусматривает энергичную и чёткую форму речевых действий. Внешняя форма выражения, ясность и доступность речи отражает требование единообразия понимания и исполнения приказа. Форма приказа является сигналом, символом языка, способствует упорядочению действий военнослужащих в нужном направлении. В речи командира, имеющей форму приказа, проявляется повелительное наклонение, модальность, настойчивость воли, твёрдость и решительность, исключающие всякую возможность неповиновения. Речевое поведение говорящих и использование языка в военной среде обусловлено «закрытостью» языкового лексического материала, наличием специфического «подъязыка» уставов и инструкций, где естественная жизненная среда ограничивается рамками функционально-ситуативного подхода.

Директивной Заместителя НКО от 28 августа при Военфаке с 1 сентября 1941 г. были сформированы постоянные курсы военных переводчиков со сроком обучения 6 месяцев и с переменным соста-

вом в количестве 400 человек. При них были развёрнуты временные ускоренные (краткосрочные) курсы с обучением 4 и полтора месяца. Их переменный состав был определён в количестве 400 человек, а срок существования этих временных курсов — до 1 декабря 1941 г.

Военный факультет становился центром подготовки военных переводчиков для Действующей Красной Армии и одновременно языковым центром. Обучение велось на пятнадцати иностранных языках.

Призыв партии «Всё для фронта!» находил широкий отклик среди личного состава Военфака. Несмотря на чрезвычайно напряжённую учебную работу, преподавательский состав и слушатели старших курсов в течение нескольких первых месяцев войны перевели и обработали для Генерального штаба большое количество поступавших с фронта трофейных документов, работая иногда целыми сутками и неделями, не уходя из расположения факультета. Для фронта факультет разработал и издал ряд военных разговорников и словарей: русско-немецкий разговорник, военные разговорники по венгерскому, румынскому и итальянскому языкам, дополнения к немецкому, английскому и французскому военным словарям, учебник немецкого языка для военнослужащих Красной Армии.

Так Военный факультет включился в активную и срочную подготовку переводческих кадров для фронта, так оказывал он свою первую помощь нашим войскам по разгрому фашистских захватчиков.

Однако дальнейшее обучение слушателей в Москве проходило в чрезвычайно сложных условиях. Наступил октябрь 1941-го. Наши войска вели тяжёлые бои на дальних подступах к столице. Враг рвался к Москве. Личный состав Военфака трудился в эти дни самоотверженно. Слушателей можно было видеть повсюду — на оборонительных работах на ближних подступах к столице, на дежурствах на крышах зданий и улицах города, в системе МПВО. Выполнение специальных заданий, многочасовая напряжённая учёба без сна и отдыха не могли не сказываться на уровне подготовки переводчиков, проводившейся и без того в весьма сжатые сроки.

В октябре сорок первого года последовал приказ НКО СССР об эвакуации Военного факультета при 2-м МГПИИЯ в г. Ставрополь на Волге (Куйбышевская область). Для передислокации был выделен специальный теплоход. Переезд проходил очень организованно, слушатели проявили высокую дисциплинированность. Со временем и здесь наладилась нормальная подготовка военных переводчиков.

Выпускница Военфака, а впоследствии военный переводчик и писательница Елена Ржевская вспоминала: «Весь личный состав Военфака, воодушевлённый героическими подвигами воинов Советской Армии в борьбе с немецкими захватчиками и напряжённым

трудом рабочих и крестьян в тылу, первыми победами советских войск под Москвой, Калинином и Сталинградом, в сжатые сроки создал необходимые условия для учебной работы. Не хватало преподавателей, а контингент слушателей постоянно рос. К преподаванию иностранных языков на факультете и курсах были привлечены все адъюнкты, совершенно прекратившие работу в адъюнктуре, и лучшие слушатели четвёртого и даже третьего курса» [Ржевская, 1965].

Воспитанники факультета самоотверженно работали в штабах, принимали участие в боевых операциях, десантировались в тыл врага, уходили на работу в партизанские отряды.

12 апреля 1942 года приказом НКО СССР Военный факультет при 2-м МГПИИЯ был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии с временной дислокацией в г. Ставрополь и с непосредственным подчинением Главному управлению Генерального штаба.

Возвращение института из г. Ставрополя в столицу проходило в октябре 1943 года. Поскольку до войны институт своего здания не имел, СНК СССР 7 сентября отдал распоряжение о временном размещении в зданиях двух законсервированных средних школ в разных районах Москвы — по Кирпичной улице в школе № 445 (дом № 18, в районе Семёновской площади) и по Котельническому переулку в школе № 497 (дом № 5, в районе Таганки). Вернувшись из эвакуации, институт без промедления, как этого требовала обстановка, приступил к плановым занятиям в новых, значительно лучших бытовых условиях, чем это было в эвакуации.

В июле 1944 года распоряжением НКО Военный институт иностранных языков переводится на постоянное расквартирование в Красногвардейские казармы по Танковому проезду (дом № 4).

В июле 1944 г. распоряжением НКО Военный институт иностранных языков переводится на постоянное расквартирование в Красногвардейские казармы по Танковому проезду. 30 августа 1944 г. начальником института вновь назначается доцент генерал-майор Н.Н. Биязи (впоследствии генерал-лейтенант). Его знали как опытного штабного офицера и хорошего организатора учебной работы, прекрасного филолога, владевшего 14 иностранными языками. Существование и учебная деятельность института в период 1941–1944 гг. характерны тем, что обучение слушателей с учётом требований войны ведётся непрерывно. Учебные годы как таковые не существуют. Никакой передышки, никаких перерывов в учебном процессе! Выпуск слушателей не производился. По указанию Генштаба они командами по необходимости направлялись на фронт в качестве военных переводчиков. Почти еженедельно, сначала на факультет, а потом в институт, поступали заявки с требованием

срочной отправки на фронт такого-то количества переводчиков. В документах того времени отражены предельно краткие, свойственные военному времени распоряжения Москвы по телеграфу: «направить в наше распоряжение четырнадцать переводчиков», «срочно подготовить группу переводчиков, тщательно проверьте здоровье», «доложите о ваших возможностях дать фронту переводчиков...» и так далее, и тому подобное. Запросов было очень много. Военфак и институт дали фронту за три года войны (до середины 1944 г.) две с половиной тысячи военных переводчиков, в том числе по годам: до 1943 г. — 1092, в 1943 г. — 774, в 1944 г. — 658 [Козлов, 1967].

В ходе войны Военный институт подготовил и отправил на фронт более 4500 военных переводчиков, из них около 2500 отдали жизнь за победу. Со всеми убывшими на фронт слушателями института поддерживал непосредственную связь, ведя активную переписку.

В небольшой статье невозможно характеризовать деятельность военных переводчиков в условиях войны, однако необходимо рассказать хотя бы вкратце о военной профессии переводчика. Военный переводчик на фронте всегда одним из первых узнавал о противнике, и в связи с этим на нём лежала большая моральная ответственность. Он был обязан безукоризненно знать язык, военную терминологию и организацию армии противника, уметь правильно перевести документ противника и составить протокол допроса военнопленного. Как показал опыт, военному переводчику приходилось зачастую в порядке взаимозаменяемости выполнять самостоятельно многообразные обязанности офицера штаба, вытекающие из конкретной боевой обстановки. В годы Великой Отечественной войны военные переводчики сумели найти своё место в штабной деятельности и тем самым снискать себе заслуженное уважение и авторитет. Постепенно, хотя и в короткий срок, в ходе борьбы с немецким фашизмом определился профиль военного переводчика во всех армейских звеньях как штабного офицера-переводчика. Повседневный контроль со стороны вышестоящих штабов, систематическое живое общение полковых и дивизионных переводчиков со своими непосредственными начальниками и коллегами прививали им вкус к работе, заставляли их чувствовать большую ответственность за добываемые путём допроса военнопленных сведения, за обработку и изучение документов противника. Так, о работе с трофейными документами Елена Ржевская пишет:

«Я завалена документами. Донесения с мест боёв. Приказы, исходившие с командного пункта бригады Монке, охранявшей имперскую канцелярию. Радиограммы.

В комнатах Геббельса в двух чемоданах, кроме его дневников, обнаружено несколько сценариев, присланных ему авторами.

Огромная книга — юбилейный подарок партийных соратников к его сорокалетию; в ней фотопластики, воспроизводящие страницу за страницей рукопись Геббельса...

Работать в самом подземелье было трудно, и я много часов провела за разбором документов в одном из залов имперской канцелярии.

В комнатах Геббельса было ещё найдено в чемодане несколько папок...» [Ржевская, 1986].

Тысячи примеров могли бы служить наглядной иллюстрацией той ответственности, которая возлагалась на них командованием. Чтобы наглядно показать, насколько важно командованию получить своевременные и достоверные сведения (для обеспечения успешного действия войск) путём допроса военнопленного, приведём здесь лишь два примера для подтверждения этого положения.

В марте 1943 года немцы начали в районе Белгорода подготовку к наступлению. Немецкое командование, маскируя сосредоточение войск, начало демонстрировать отвод частей с передового края, вывели в тыл ряд танковых дивизий СС, перемещали работу своей радиосети. Почти все военнопленные показали, что упорно циркулируют слухи о предстоящем наступлении где-то южнее Белгорода.

Этим, однако, не удалось обмануть советское командование. Имевшиеся в его распоряжении разведданные говорили о том, что противник именно севернее Белгорода будет наносить удар против Курска. Но требовалась доразведка. В ночь на 14 июля в районе восточное ТрEFIловки наши разведчики захватили военнопленного, который показал, что его подразделению и всей их части накануне был выдан сухой паёк (это уже важно!). Проговорившись переводчику об этом, пленный вынужден был далее показать, что солдатам был зачитан приказ Гитлера о наступлении с утра 5 июля. Эти важнейшие сведения немедленно были переданы командованию армии и фронта. Показания пленных, захваченных в ту же ночь на других участках фронта, а также результаты подслушивания и наблюдения наших передовых частей подтвердили сведения о готовящемся переходе в наступление Белгородской группировки немцев и помогли уточнить время перехода в наступление — 4 часа 5 июля.

Из опыта войны известны и такие примеры, когда из-за недостаточной подготовки переводчика явно снижалось качество разведывательной информации. Так, например, в период боев на Курской дуге, когда противник, не считаясь с потерями, бросал в бой одну за другой свои дивизии, начальник разведки энской гвардейской дивизии выехал вместе со своим помощником в полки, а в штабе дивизии остался только переводчик, на которого в этот день возложили обязанность регулярно передавать вышестоящему штабу информацию о противнике.

Возвратившись к вечеру в штаб дивизии, начальник разведки застал переводчика за передачей разведывательной сводки в штаб корпуса.

— Противник, — передавал переводчик, — в течение дня трижды атаковал наши части силою до полка при поддержке 20–25 танков и самоходных орудий...

— Много бы я дал, чтобы узнать, кому принадлежат эти танки! — заметил начальник разведки и в это время обратил внимание на кучу солдатских книжек противника, сложенных в углу землянки.

— Что это за книжки? — спросил он переводчика.

— Это документы, которые разведчики принесли ещё утром, но мне всё некогда было их просмотреть, товарищ майор! — ответил переводчик. — Я весь день был занят информацией...

— Кто же Вам дал право задерживать просмотр документов на целый день? Ведь это книжки атакующих подразделений противника! — возмутился начальник разведки и стал быстро пересматривать документы...

Среди большого количества материалов ранее отмечавшейся 332 пехотной дивизии противника было обнаружено несколько солдатских книжек танковой дивизии «Великая Германия» и боевой приказа одному из её батальонов. Это свидетельствовало о вводе противником в бой нового танкового соединения. По вине переводчика командование не было своевременно поставлено об этом в известность [Козлов, 1967].

Своеобразным видом работы был допрос военнопленных. Военный переводчик должен был знать терминологию видов и родов войск, его техники и вооружения. Он должен владеть формами и методами допроса военнопленных. Например: устный и письменный допрос, допрос путём анкетирования, перекрёстный допрос и допрос вразбивку. Так, один из военных переводчиков ВОВ Лев Безыменский вспоминал:

«Допрос продолжался недолго. Воронов (представитель Ставки ВГК — примечание автора), который вёл беседу, предложил Паулюсу отдать продолжавшей драться группе немецких войск приказ прекратить военные действия, чтобы избежать напрасного кровопролития. Паулюс выслушал, тяжело вздохнул и отказался, сославшись на то, что он, мол, военнопленный и его приказы недействительны. Воронов повторил своё предложение, подробно его обосновав. Нервное возбуждение Паулюса усилилось, левая часть его лица стала ещё чаще подёргиваться. Но, когда Паулюс заговорил, командующий войсками Брянского фронта генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский (примечание автора) и Воронов услышали всё тот же ответ.

После этого Воронов спросил Паулюса, какой режим питания ему установить, чтобы не нанести вреда его здоровью? Лицо плен-

ного выразило крайнее удивление. Он ответил, что ему ничего особенного не надо, но он просит хорошо относиться к раненым и больным немецким солдатам и офицерам.

Воронов сказал:

— Советская Армия гуманно относится к пленным. Но советские медицинские работники встретились с большими трудностями, ибо немецкий медицинский персонал бросил на произвол судьбы немецкие госпитали.

Паулюс долго медлил с ответом и с трудом произнёс:

— Господин маршал, бывает на войне такое положение, когда приказы командования не исполняются...

После этого допрос был закончен. Паулюс встал, вытянулся, отсалютовал советским генералам и, повернувшись к двери, вышел».¹

Деятельность военных переводчиков была поистине многогранна. Часто военные переводчики рисковали своей жизнью, выполняя различные функциональные обязанности. Так, будучи парламентарями в ходе Будапештской операции погибли несколько групп переводчиков.

26 декабря 1944 года многотысячная будапештская группировка противника оказалась полностью окружена войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. Перед советским командованием встала задача разработки плана её ликвидации. Предстояло штурмовать крупный многонаселённый город, который защищал большой и сильный гарнизон. Опыт предшествующих уличных боёв предвещал длительную и кровопролитную операцию. Стремясь избежать напрасных боевых потерь и жертв среди мирного населения, сохранить исторический и культурный облик старого Будапешта, советское командование приняло решение направить к противнику парламентарёв с ультиматумом о капитуляции.

Группу, представлявшую 2-й Украинский фронт, возглавлял капитан Николай Степанович Штейнмец — инструктор 7-го отдела Политуправления 4-го Украинского фронта. Кроме Штейнмеца в состав группы входили переводчик разведотдела штаба 68-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии лейтенант Афанасий Кузьмич Кузнецов и шофёр административно-хозяйственной части Управления 18-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии старший сержант Фрол Парфенович Филимоненко. 29 декабря в 10 часов 55 минут на легкой машине под белым флагом парламентарёвы выехали на шоссе Вечеш — Будапешт из Пештентлеринца в направлении столицы Венгрии. На расстоянии 100 метров от передовых немецко-венгерских позиций враг открыл огонь по машине с парламентарями.

¹ <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobaya-papka-barbarossa/7>.

Через час после выхода первой группы парламентарёв к вражеским позициям двинулась вторая, участники которой уже знали о трагической судьбе команды Штейнмеца. Во главе группы представителей 3-го Украинского фронта был капитан Илья Афанасьевич Остапенко — старший инструктор по работе среди войск противника 316-й стрелковой дивизии.

Вторым в группе был молодой сослуживец Остапенко старший лейтенант Николай Феодосович Орлов — старший адъютант стрелкового батальона 1077-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии. Сопровождал офицеров старшина комендантской роты Ефим Тарасович Горбатюк.

После того как капитан Остапенко передал пакет с ультиматумом немецким офицерам, парламентарёв завязали глаза и на машине довели до переднего края обороны. Затем немцы открыли огонь. В живых остался лишь старший лейтенант Орлов. После войны мужественным парламентарём Николаю Степановичу Штейнмецу и Илье Афанасьевичу Остапенко в г. Будапеште были установлены памятники.²

Автор лично был знаком с одним из парламентарёв в годы ВОВ Владимиром Галлом. В беседе с автором он вспоминал:

«1 мая 1945 года майор Василий Гришин и капитан Владимир Галл входят в окружённую, но занятую отчаявшимся противником берлинскую крепость Шпандау, в казематах которой в смертельной ловушке оказались сотни мирных жителей. Напряжённые переговоры с командованием крепости под пристальным наблюдением офицеров СС, несколько раз жизнь отважных парламентарёв висит на волоске.

Однако мастерство переговорщиков, хорошо знавших немецкий язык, спасло жизнь не только им, но и гарнизону крепости, принявшему ультиматум».

Многие военные переводчики были личными переводчиками первых лиц государства, выдающихся военачальников. Так, Лев Безыменский был переводчиком Жукова и Рокоссовского, Валентин Бережков — переводчиком министра иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова, Владимир Павлов — переводчиком Иосифа Виссарионовича Сталина. Многие известные писатели, артисты, режиссёры, учёные и дипломаты в годы войны также были военными переводчиками: Самуил Маршак, Анатолий Мицкевич, Эммануил Казакевич, Владимир Этуш, Федор Хитрук, Илья Кремер, Олег Трояновский, Александр Швейцер.

Наряду с мужчинами оружием слова воевали и женщины. Они несли тяготы и лишения фронтовой жизни. Вот лишь некоторые

² Остапенко, Илья Афанасьевич. Википедия, ru.wikipedia.org.

из них: Галина Дубеева, Наталья Звонарева, Аделина Кондратьева, Татьяна Мантурова, Майя Иванова, Наталья Коростелева, Тамара Кораблёва, Елена Ржевская. Большую работу по разложению войск и населения противника вели политработники — спецпропагандисты со знанием иностранных языков. Это их трудом в годы войны издавалось 20 газет на иностранных языках, выпущено более трёх миллиардов листовок, проведено 200 700 агитационных передач³.

В них они обличали виновников войны, разъясняли правду об СССР, показывали пути выхода из войны и неизбежность краха Гитлеровского фашизма [Берников, 1971].

Эффективность их труда зависела от знаний объекта психологического воздействия его национально-психологических особенностей, политико-морального состояния войск и населения противника.

Труд спецпропагандистов позднее так оценивали зарубежные специалисты: «В психологической войне они творчески проявляли опыт прошлого и проявили изобретательность... за их усилиями скрывалась дальновидная политика» [Лейнбарджер, 1962].

Опыт работы военных переводчиков и спецпропагандистов передавали фронтовики — Н.Н. Берников, Н.Ф. Голованов, Н.Н. Парпаров, обучая и воспитывая студентов военной кафедры МГУ имени М.В. Ломоносова.

Избрав своим оружием слово, разоблачая виновников войны, неся правду о нашей стране, убеждая противника сложить оружие, военные переводчики и спецпропагандисты спасли сотни тысяч жизней, они внесли немалый и, безусловно, бесценный вклад в Великую Победу над врагом, были участниками парада Победы.

Список литературы

- Берников Н.Н.* «Оружием правды», М.: Воениздат, 1971. С. 8.
- Козлов Б.И.* 25 лет Военному институту иностранных языков. М.: ВИИЯ, 1967. С. 21–22, 26–27.
- Лейнбарджер Поль.* Психологическая война. Перевод с английского. М., 1962. 138 с.
- Ржевская Е.М.* «От дома до фронта». Новый мир. М., 1965. № 11.
- Ржевская Е.М.* Берлин, май 1945: Записки военного переводчика. М.: Московский рабочий, 1986. 55 с.
- Торсуков Е.Г.* Альма-матер военных переводчиков. Вестник МГУ. Серия 22 Теория перевода. № 2, 2010. С. 112–113.
- <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobayarka-barbarossa/7>
- ЦАМО. ф. 32. оп. 11306, д. 570, л. 499.

³ ЦАМО ф. 32 оп. 11306, д. 570, л. 499.

Yevgeny G. Torsukov,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: temitina.45@yandex.ru.

THEIR WEAPON WAS THE WORD

The article describes various aspects of military interpreters' work during the Great Patriotic War. The author shows the specifics of speech in a military environment and the conditionality of speech behavior of a military personnel as determined by the nature of combat tasks that they perform.

The article reveals the types of activities of any military interpreter depending on the features of the military organization of units and formations, as well as the uniqueness of the conditions in which the military personnel operate.

The author emphasizes the need for special language training and stresses the role of the Military Institute of Foreign Languages (MIFL) in the training of military interpreters during the war. It would have been impossible to start fighting without translators who not only spoke the enemy's language, but also knew its military machine, who were able to navigate freely in captured documents, gain information from radio traffic and influence the enemy's troops and population. The successful preparation and conduct of operations ultimately depended on those officers' language skills.

Key words: Great Patriotic War, Military Institute of Foreign Languages, military translation, captured documents, military terminology, interrogating prisoners of war, parliamentarian, intelligence, equipment and weapons, technical documentation, combat documents.

References

Bernikov N.N. "Oruzhiem pravdy". [A weapon of truth]. Moscow: Voenizdat, 1971. P. 8 (In Russian).

Kozlov B.I. 25 let Voennomu institutu inostrannyh yazykov [25 years old, Military Institute of Foreign Languages]. Moscow: VIIYA, 1967, pp. 21–22, 26–27 8 (In Russian).

Lejnbardzher Pol'. Psihologicheskaya vojna [Psychological warfare]. Pervod s anglijskogo. Moscow, 1962. 138 p. 8 (In Russian).

Rzhevskaya E.M. "Ot doma do fronta" [From Home to the Front]. *Novyj mir*. Moscow, 1965. No. 11 (In Russian).

Rzhevskaya E.M. Berlin, maj 1945: Zapiski voennogo perevodchika [Berlin, May, publishing house: Moscow Worker, publication year]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1986. 55 p. (In Russian).

Torsukov E.G. Al'ma-mater voennyh perevodchikov [Alma Mater of military translators]. *Vestnik MGU. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, 2010, pp. 112–113 (In Russian).

<https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobaya-papka-barbarossa/7>

TsAMO f. 32 op. 11306, d. 570, l. 499.